А. ЛЕВИТ

АБХАЗСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

СУХУМИ
ИЗДАНИЕ АБГИЗА
1954

КП - 1103
Р - 54

А. ЛЕВИТ

АБХАЗСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

№ 1103.
Библиотека

СУХУМИ
ИЗДАНИЕ АБГИЗА
1954

ОТ АВТОРА

Легенды „Песнь скалы“ и „Песнь о Напхе Кягуа“ почти четверть века назад рассказал нам покойный Шач Чукбар, прославленный знаток абхазского фольклора.

Не внеся в содержание этих легенд почти никакого изменения, автор придал им стихотворную форму.

ПЕСНЬ СКАЛЫ

Светлело небо. Угасали звезды.
Родились вместе утро и дитя.
Отец-пастух назвал младенца сына:
Шарпы-Яцва — Рассветная звезда.

Закутавшись в густые бурки сосен,
Как пастухи в предутренний туман,
Стояли гордо скалы великаны
Над пропастью, в которой билась Бзыбь.

А дни бежали по следам прошедших
И год пронесся мимо хмурых скал...
Уснул усталый день. Весенний вечер
Зажег звезду в небесной глубине.

В тот вечер в пацхе [1]) на краю селенья
У пастуха второй родился сын.
И был отцом младенец этот назван:
Хулпы-Яцва — Вечерняя звезда.

Шарпы-Яцва, Хулпы-Яцва — два брата,
Два горных сокола, два удальца!
В честь вас, в честь ваших подвигов сложили
Певцы седые эту „Песнь скалы".

I

Вдали от озера стоит гора.
По горным склонам зверем бродит ветер.
Нагнал с горы он к озеру песок,
На том песке следы копыт джейрана.

Джейран, джейран! Где ты сейчас, беглец?
Куда тебя уносит быстрый ветер,
С какой скалы, скрываясь от врага,
Ты падаешь стремглав в обрыв глубокий?

Вдруг ветер встречный прошептал тебе:
„Из-за лесных кустов ползет опасность".
И ноги тонкие, как струны апхерца, [2])
Тебя уносят вдаль, неуловимый.

Тому, кто не хитер и ловкости лишен,
Как собственной спины, твоей не видеть шкуры.
Но берегись, джейран! Настанут скоро дни,
Когда тебя спасти не сможет ветер.

Не знаешь ты, что за горой в селе,
Где рокот Бзыби слышится, как шелест,
Растут и учатся без промаха стрелять
Два будущих охотника — два брата.

* * *

Вдали от озера стоит гора.
По горным склонам зверем бродит ветер,
А в голубой озерной глубине
Свой диск горячий охлаждает солнце.

Довольно нежиться! Теперь меня
Не радует твоя улыбка, солнце.
Я к ней давно уже привык в горах,
А все привычное мне кажется обычным.

Нет, не умеешь улыбаться ты,
Как старший брат Шарпы-Яцва — охотник,
Когда, убив фазана на лету,
Он в пацху возвращается с охоты.

Не можешь ты и сердце веселить,
Как младший брат Хулпы-Яцва — проказник,
Когда, спугнув беспечных воробьев,
Он весело над глупыми смеется.

* * *

Чем дольше в погребе лежит вино,
Тем лучше вкус и тем оно ценнее.
В ковше, украшенном искусною резьбой,
Вино такое гостю подается.

И так же дружба. Чем она старей,
Тем крепче преданность друзей друг другу,
Тем больше ей хвалы повсюду воздают,
Тем больше старики о ней слагают песен.

От Калдахвар до резвой Гумисты,
В горах у ледников, на берегу у моря
Певцы гудят на ачарпане [3]) песнь
О том, как дружат два отважных брата.

В кругу уставших от забот сельчан,
В дни праздников, в тени под старым дубом
Певцы поют о сыновьях вдовы —
Охотниках на быстрого джейрана.

* * *

От Калдахвар до резвой Гумисты,
В горах у ледников, на берегу у моря,
Из ачарпана в ачарпан летит
Молва о ловкости двух молодых абхазцев.

Не заглушить стремительной молвы,
Она не знает на пути преграды,
Догнать ее не в силах ни стрела,
Ни резвый конь, ни ястреб быстрокрылый.

Молва сверлит скалу, летит в овраг,
Она несется по горам в ущелье,
Бежит с потоком горного ручья
И заглянула к старику Дауту.

Даут давно не мчался на коне,
Успели скалы позабыть джигита.
Сменил седло на мягкую тахту,
Ружье кремневое — на длинный посох.

Но встал старик с тахты, снял со стены ружье,
Сел на коня и, натянув поводья,
Пустился в дальний путь, где Бзыбь шумит,
Где скалы гордые скрываются в тумане.

Даута в путь забота подняла,
Ему ли к старости без цели ездить в гости?
Красива и умна Ханифа — дочь его,
Но и Шарпы-Яцва природой не обижен.

II

Шарпы-Яцва проснулся на рассвете.
Прочистил ствол ружья и наточил кинжал.
Покинул пацху. За плетнем у дуба
Его ждал младший брат Хулпы-Яцва.

Они пошли... А звезды угасали,
И месяц убегал от проблесков зари.
На озеро спустилась стая уток,
И три джейрана шли на водопой...

* * *

Джейраны, к вам змеей ползет беда.
Бегите прочь от озера подальше.
Куда исчез ваш слух? Где острое чутье?
Или служить вам ветер отказался?

Джейраны, к вам ползет из-за куста беда.
Но почему вы, глупые, спокойны?
Сигнала встречный ветер им не шлет,
Ползут охотники ему навстречу...

Глухой удар встревожил тишину.
Другой удар. К горам скалистым
Быстрее выстрела летит джейран,
Убитыми оставив двух собратьев.

III

То был удачный, щедрый день.
Охотникам послал он много дичи.
Не мало выстрелов с утра
Крутые горы возвращали эхом.

Но утомленный день манил на смену ночь.
Спускался с гор ее предвестник вечер.
Последнюю улыбку, уходя,
Охотникам предназначало солнце.

Обедом сытным гостя накормив,
Его хозяин угощает сладким.
И так же день, как сладкое в конце,
Послал он братьям редкого оленя.

Олень пронесся мимо, старший брат
Пошел за ним, оставив брата с дичью;
С таким оленем встретиться мечтал:
Он был с шестнадцатью рогами!

* * *

Шарпы-Яцва шел по следам упорно.
Решив добыть рога, он разум потерял.
Он все забыл: жену, младенца-сына...
В охотничьем пылу забыл и о себе.

Следы исчезли у скалы отвесной.
Шарпы-Яцва взглянул наверх и там,
В вечерних сумерках, на острие вершины
Он увидал пятно. То был олень.

Стрелять?.. Нет, пуля не достанет.
Но ведь олень не спустится к нему...
Не спустится? Так что-ж, уйти обратно?..
И стал Шарпы-Яцва взбираться на скалу.

IV

Слепая тень упала на вершину,
Явилась ночь без звезд и без луны.
В такую ночь охотника сменяет
Пещерный страж — угрюмая сова.

Прорезал тишину протяжный окрик:
— О-а-ра-уй, Хулпы-Яцва, а-а!..[4])
То со скалы на помощь брата
Тревожно призывал Шарпы-Яцва.

Попал в беду. Неловкое движенье,
Он со скалы сорвется, и тогда
Его безжизненное тело
Прожорливые птицы расклюют.

Шарпы-Яцва не трус. Он не страшится смерти.
Что смерть тому, кто жизнь отдаст за честь!
Но умереть бесславно и без цели,
Как глупая овца... Какой позор!

И ухватившись за колючий кустик,
Сжимая до крови его в руке,
Он призывал на помощь брата:
— О-а-ра-уй, Хулпы-Яцва, а-а!..

* * *

— О-а-ра-уй, Шарпы-Яцва, я здесь!
— Хулпы-Яцва, зови скорей на помощь.
Пусть люди принесут огня
И мне помогут со скалы спуститься.

Стал напряженно думать младший брат:
„Вокруг за тридцать верст нигде нет пацхи.
Искать людей придется до зари,
А за ночь он сорвется и погибнет.

Но что же делать, как спасти его?
Чем разогнать дурман ночной дремоты?
Где взять огня? О, ночь, прошу тебя
Зажечь хоть две звезды — мою и брата!“.

Но эта ночь и звезды, и луну
Закрыла плотно облаками.
Шарпы-Яцва сжимал колючий куст,
Хулпы-Яцва в тоске метался.

* * *

О, радость! Он легко вздохнул.
Не надо, ночь, твоей услуги!
Пусть звезды спят под буркой облаков,
Пусть вся скала постелью мягкой станет—
Шарпы-Яцва не будет спать на ней!

Хулпы-Яцва поднес к губам свирель,
С которой никогда не расставался.
Храня свирель в охотничьем мешке,
Он доставал ее в часы досуга
И, улыбаясь, песни напевал.

Не мало песен знал Хулпы-Яцва:
Охотничьих, походных и застольных,
Печальных и веселых — плясовых.
Ну, а теперь в тиши глубокой ночи
Запел совсем иную песню он:

„Сидит охотник на скале
И ждет он редкого оленя...
Перехитрил его олень
И над обманутым смеется.

Настанет утро и тогда
Другой стрелок убьет оленя,
А ты, охотник молодой,
Зари рассветной не увидишь.

Каштан под тахтой не растет,
Медведь не женится на чинче, [5])
Газель не дружит с кабаном,
Ханифа, брат, тебе не пара.

Она не будет горевать,
Узнав о глупой смерти мужа.
Она — газель и ей в мужья
Джейран подходит быстроногий.

Когда сорвешься ты в обрыв,
Я твой очаг займу охотно.
И ноги пыльные мои
Ханифа ласково омоет.

Каштан под тахтой не растет,
Медведь не женится на чинче,
Газель не дружит с кабаном,
Ханифа, брат, тебе не пара“.

* * *

— Молчи, проклятый, разум твой шальной
Ночная темень помутила!
Не будь темно, как бешеного пса,
Тебя, предателя, я застрелил бы!

Но ты забыл, что у меня есть сын,
И если даже я погибну,
Он отомстит. Захохотал певец:
— Он будет сельским свинопасом.

Сорвался злобный стон. Шарпы-Яцва
Колючий куст сжал яростно руками.
Хулпы-Яцва поднес к губам свирель
И вновь запел он брату песню:

„Сидит охотник на скале
И ждет он редкого оленя.
Перехитрил его олень
И над обманутым смеется.

Настанет утро и тогда
Другой стрелок убьет оленя,
А ты, охотник молодой,
Зари рассветной не увидишь".

V

Настало утро. Оборвалась песнь,
И со скалы Шарпы-Яцва спустился.
Угрозы смерти нет, но он не рад,
Его лицо темнее ночи.

„Я мог бы умереть, — подумал он, —
Ведь жизнь я сохранил каким-то чудом;
Тогда бы ты, Хулпы-Яцва,
Исполнил все, о чем пел ночью.

Заставил бы ты сына моего
Пасти свиней, а мать его — Ханифу..."
Шарпы-Яцва сжал яростно ружье
И злобно посмотрел на брата.

Любовно сжав свой старый ачарпан,
Идет домой Хулпы-Яцва веселый,
Собой доволен, и гордится он,
Ведь мудростью он брата спас от смерти.

* * *

У Бзыби свой речной закон,
Закон свирепого теченья.
Ей тесно в горных берегах,
Она спешит на волю, в море.

За поворотом старый мост.
Ему давно пора на свалку,
Но он стоит. А Бзыбь бурлит,
Грозит снести его устои.

Ее теченью нет преград,
Она с морской волной роднится,
А этот дряхлый, узкий мост
Стоит над ней несокрушимо.

И потому здесь под мостом,
В ущельи, где не видно солнца,
Бурлит и камни рвет со дна
Река, лишенная покоя.

Но рокот Бзыби заглушил
Раскат охотничьей кремнёвки.
С моста упал в речной поток
Хулпы-Яцва, взметнув руками.

И подхватила Бзыбь-река
Его безжизненное тело,
И понесла от скал родных
В далекое чужое море.

VI

Устала ночь хранить покой вселенной,
Над скалами растаял блеск звезды.
Залаял пес и завилял хвостом,
Шарпы-Яцва приветливо встречая.

Но пса хозяин отшвырнул ногой,
Жене любимой муж не улыбнулся,
И матери седой не поклонился
Всегда учтивый старший сын.

Вошел он в пацху и упал на шкуры.
Хотелось спать, но он уснуть не мог.
Блуждали злые мысли в голове,
Углем пылало раненое сердце.

Спросила мать: — А где Хулпы-Яцва?
Шарпы-Яцва злорадно усмехнулся:
— Там у скалы он песни распевает,
Ведь он не плохо песенки поет...

Но сердце матери почуяло беду.
Его, Шарпы-Яцва, ты не обманешь.
Недаром пес всю ночь протяжно выл,
Не зря в глазах твоих искрится злоба.

— Скажи мне правду, где твой младший брат?
Скажи, где ты Хулпы-Яцва оставил?
Шарпы-Яцва воскликнул гневно: — Мать!
Не называй предателя ты братом.

И рассказал он матери о том,
Как на скале его накрыла темень,
Как брата звал к себе на помощь он,
И как над ним Хулпы-Яцва смеялся.

Сказала мать ему, поникнув головой:
— Твой недалекий разум помутился.
Не понял ты, зачем Хулпы-Яцва
Тебе, убийца, песню пел такую.

* * *

У Бзыби свой речной закон,
Закон свирепого теченья.
Ей тесно в горных берегах,
Она спешит на волю, в море.

Рокочет Бзыбь, бурлит река,
Не знает отдыха, покоя;
Как барс свирепый, в берега
Вонзает когти водяные.

Тяжелым шагом к Бзыби шел,
Потупив мрачный взор, абхазец.
На сгорбленной его спине
Лежали горе и кремневка.

1103

Он молчаливо шел, а вслед,
Как тень, за ним брело сознанье:
Ведь он убил Хулпы-Яцва,
Который спас его от смерти.

Мать объяснила, для чего
Хулпы-Яцва пел песнь такую...
Шарпы-Яцва, несчастный ты,
Шарпы-Яцва, братоубийца!..

Теченью Бзыби нет преград,
Она с морской волной роднится,
А этот дряхлый узкий мост
Стоит над ней несокрушимо.

И потому здесь под мостом,
В ущелье, где не видно солнца,
Бурлит и камни рвет со дна
Река, лишенная покоя.

Шарпы-Яцва вступил на мост
И на мосту остановился...
Какой ценой искупит он
Убийство преданного брата?

VII

Когда узнала мать, что старший сын,
Приставив к горлу старую кремневку,
Нажал курок, и теплый труп его
Теченьем унесло в просторы моря,
Вздохнула тяжко и сказала:

— Все то, что из уютного жилья
Выбрасывают люди на рассвете,
Когда звезда на небе потухает,
Пусть это будет для тебя,
Шарпы-Яцва, мной проклятый убийца.

А все, что в дом заботливые люди
Приносят вечером, когда звезда
На чистом небе замерцает,
Хулпы-Яцва, мой младший сын, любимый,
Пусть это будет только для тебя.

ПЕСНЬ О НАПХЕ КЯГУА

I

Бежит река на волю из ущелья,
Рычит река, как разъяренный барс.
Встает заря. Снег на горах далеких
Искрится в блеске солнечных лучей.

А в Калдахварах небывалый праздник.
С утра здесь игры, пляска, хоровод...
Ждут Напху Кягуа родня и гости
Из отдаленных и соседних сел.

И он стремится к ним, покинув горы,
А по дороге пыльной из Отхар
В черкесках сорок юношей счастливых
Стрельбой и песней горячат коней.

Но их коням, пусть даже окрыленным,
Нельзя поспеть за белым рысаком.
Его сейчас и ветер не догонит:
Ведь он невесту Кягуа несет.

II

Примчались юные абхазцы в Калдахвары,
Коней под тень деревьев отвели.
Дышали тяжко взмыленные кони,
Но белый конь копытом землю рыл.

Два друга Напхи у порога пацхи
Скрестили лезвия кинжалов золотых,
И, голову слегка склонив, невеста
Вступила в новое жилище жениха.

Гласил закон, предписанный горами:
За свадебным столом нет места жениху.
Законы гор упорно соблюдались,
И Напха должен был от взоров скрыть себя.

Такой стремительной, свирепой джигитовки
И старцы древние припомнить не могли:
В честь Кягуа герои состязались,
Коней и жизнь, как в битве, не щадя.

В начале пира толумбаш [6]) веселый
Поднял тяжелый рог над головой
И первый рог он осушил до капли
За счастье и здоровье молодых.

А рог второй был поднят за здоровье
Сымсыма Уча — храброго бойца.
В нем Напха видел преданного брата:
Одна кормилица взрастила их.

Луна взошла и осветила горы,
Искрились звезды... Продолжался пир.
Текла река, текло вино густое;
Шумела Бзыбь, шумело в головах...

Всю ночь шел пир и тост сменялся тостом.
Всю ночь неслись к горам протяжно песни гор.
Звенела апхерца, а рядом на поляне
Под дружный хоровод плясала молодежь.

III

Заря кудрявая пришла на свадьбу Напхи,
Когда зарезали четвертого быка.
Потухли факелы, но пир не прерывался
И свадебная песнь неслась к горам.

Зарю встречали залпами кремневок,
И толумбаш поднял свой длинный рог...
Звенела апхерца, а на поляне
Плясали старики и молодежь.

Вдруг тихо стало... Толумбаш веселый
Отнял от губ свой недопитый рог.
На стол пирующих легла тревога:
Вскочили гости, оборвался пир.

Не всадник гнал коня тяжелой плетью,
Не от стрелка бежал испуганный олень.
Бежала женщина, измученная горем,
Бежала к Напхе плачущая мать...

Жена Сейдыка рано овдовела.
Сейдык — муж Шадии сорвался со скалы,
И труп его под буркой на носилках
Оплакивать вдове соседи принесли.

Вдову с детьми заботой окружили
Соседи добрые, знакомые с нуждой.
Бежали дни, и сыновья Сейдыка
Росли, резвились, радовали мать.

IV

Черкесский князь Мазлоу — черный коршун,
Зачем тебя с седла не сбросил конь?
Зачем ударом молнии сраженный
Каштан стволом не придавил тебя?

Черкесский князь Мазлоу — бессердечный,
Какая мать тебя вскормила молоком?
И кто осмелился названьем горца
Тебя, не знающего чести, одарить?

Проник в село ты под прикрытием ночи,
Украл детей, чтоб в рабство их продать.
Беги, скрывай свои следы, преступник!
От Напхи далеко ты не уйдешь.

Не всадник гнал коня тяжелой плетью,
Не от стрелка бежал испуганный олень.
Бежала Шадия, измученная горем,
Бежала к Напхе плачущая мать.

V

— Шхацкы шимш абзиахааит,[7]) вы пируйте,
Я скоро возвращусь, — сказал герой.
— Я Шадии верну детей Сейдыка,

Мой конь снесет меня за перевал.
Вы Ханыке привет мой передайте,
Пусть не скучает без меня она.
Сымсыма Уча оставляю с вами,
С Мазлоу справлюсь без тебя, Сымсым.

И поклонившись старикам почетным,
Взял Напха Кягуа ружье, надел башлык,
Проверил пальцем острие кинжала,
Взнуздал коня, поправил стремена.

Коня коротким свистом Напха вздыбил.
К ущелью Бзыбскому понесся быстрый конь...
Бежала Бзыбь на волю из ущелья,
Рычала Бзыбь, как разъяренный барс.

VI

Аул черкесский спал в ночной прохладе.
Луна покой, казалось, стерегла.
Мигали сакли мутными огнями,
С дороги всадника к себе маня.

Но не свернул в аул с дороги всадник.
Он продолжал сквозь ночь свой долгий путь.
Стремился он туда, где князь Мазлоу
Расположился на постой.

Завыли псы задолго до рассвета.
Из сакли вышел с фонарем старик
И, плетью отогнав собак сварливых,
Помог приезжему сойти с коня.

Промолвил гость, войдя в жилище старца:
— Благословение твоей семье.
Я требую, старик, гостеприимства
Во имя славных подвигов твоих.

Ему хозяин отвечал смиренно:
— Войди в кунацкую, мой господин.
Ружье моё и сабля боевая
Тебе защитой будут от врага.

VII

Снял с гостя Канбулат кремневое ружье,
Коню велел засыпать вволю корма.
В почетный угол на узорные ковры
Он пригласил приезжего садиться.

Огонь в кунацкой ярко запылал,
Сидел в углу приезжий молчаливо.
Молчал упорно старый Канбулат,
Внимательно разглядывая гостя.

VIII

Прошли минуты должного молчанья,
Как принято, его нарушил гость:
— На быстром скакуне от быстрой Бзыби,
Наслышавшись о подвигах твоих,
К тебе примчался я, джигит почтенный,
Приветствовать и радовать тебя.
Я — Напха Кягуа... Но разве это имя
Тебе хоть что-нибудь о госте говорит?
Ничем пока себя я не прославил...

— Хвала аллаху! — молвил Канбулат.—
Какое счастье этой ветхой сакле,
В которой Напха на коврах сидит!
Какая честь мне, старому черкесу,
Встречать абхазского джигита у себя!

IX

На утро весть о том, что к Канбулату
Пожаловал прославленный герой,
Как птица, быстро сакли облетела,
Собрала к Канбулату весь аул.

В честь Кягуа аул гостеприимный
Устроил пир. Зарезали коня.
Запенилась буза в ковшах позолоченых,
Подали быгомгазе[8]) и четлибж.[9])

Арак, буза чередовались с пивом,
Неслись приветствия. Так праздновал аул
Прибытие абхазского героя,
Но Кягуа, насупившись, сидел.

Князь Хаамыт Мазлоу — черный коршун,
Где ты сейчас? Придешь ли ты на пир?
Арак, буза чередовались с пивом,
Приветствовали Напху бедняки.

X

На пир Мазлоу Хаамыт пришел.
Перед соблазном встретиться с абхазцем,
Хоть был и горд, он устоять не мог.
Любил при том кутнуть за счет крестьянства.

Они сидели рядом за едой,
Друг друга молча озирая!
Как будто знали, что когда-нибудь
Придется им столкнуться в поединке.

— За чем хорошим прискакал ты к нам?—
Нарушил первым гордый князь молчанье.—
— Хотел тебя увидеть, Хаамыт,
И очень рад: представился мне случай.

О подвигах твоих — повсюду речь.
А там у нас в селении, на Бзыби,
Беда стряслась: у Шадии вдовы
Детей вчера похитили злодеи.

Я мчался по следам, и вот я здесь.
Мне кажется, что дети очень близко.
Я даже знаю, у кого они...
Быть может, Хаамыт, ты тоже знаешь?

И Хаамыта взглядом он пронзил,
Как лезвием блестящего кинжала.
Черкесы взорами Мазлоу жгли,
Укор и гнев в их лицах отражались.

Но хитрый князь и виду не подал,
Что он смущен, что страх закрался в сердце.
Глаза спокойно в сторону отвел.
Погладив бороду, ответил Напхе:

— Найти детей — труд не велик, джигит,
Заставлю их вдове доставить завтра,
Но знай: взамен на твой очаг набег
Дней через двадцать совершить я должен.

— На днях сгоню я стадо с гор в село, —
Ему ответил Напха, улыбаясь,—
И ты найдешь, чем поживиться в нем.
Но трогать Ханыку я не позволю.

— А если трону, что тогда? Скажи?
— Тогда я очень рассержусь, Мазлоу.
— А как сердиться будешь ты?
— Убью!
— Ну, хорошо, — промолвил князь, — посмотрим.

XI

Прошло дней двадцать. Напха ждал Мазлоу.
Согнал он стадо с гор, собрал стрелков.
В ущелье выехал навстречу князю,
Но там не встретил Хаамыта он.

Настала ночь. Ущелье притаилось
И ожидало наступленья дня.
Притихла Бзыбь... Стояли часовые,
Прислушиваясь к шорохам ночным.

Паслись вблизи стреноженные кони.
Стрелки дремали. Кягуа не спал.
Он жаждал в бой вступить с тщеславным князем,
Томился долгим ожиданьем он.

И чудилось герою нападенье:
Столкнулись кони, заблистал клинок...
И вдруг вблизи раздался выстрел.
Вскочили люди, бросились к коням.

Но не было причины для тревоги.
В глубокой тьме заметил часовой —
Мелькнула тень... он выстрелил по тени
И серну метким выстрелом убил.

Тянулась ночь... Ущелье притаилось
И ожидало наступленья дня.
И день настал, но Хаамыт Мазлоу
Набега на село не совершил.

А Напха Кягуа в ущелье Бзыбском
Еще дней двадцать князя ожидал.
Поверил зря он княжескому слову,
Забыв, что с правдой не в ладах оно.

И перестал ждать Напха нападенья.
В село вернулся, распустил стрелков,
Простился с Ханыкой и стадо в горы
На пастбища привольные погнал.

XII

Дед Напхи жил сто восемнадцать лет
И с юности до старости глубокой
С ружьем не расставался никогда,
Охотясь и набеги отражая.

Прощаясь с долгой жизнью и родней,
Он завещал ружье любимцу внуку.
„Носи его, как я, с собой всегда“,—
Сказал он в назидание ребенку.

Малыш стал взрослым. Дедовский завет
Он выполнял, с ружьем не расставаясь,
И вот сейчас, сидя за шашлыком,
Его держал он рядом наготове.

Сымсым был тут же. С Напхой разделял
Его молочный брат трапезу.
А перед ними юноша пастух
Пас баранту, свистя на ачарпане.

XIII

Над скалами поднялся черный дым
И омрачил безоблачное небо.
— Пройди к обрыву, зорко вдаль вглядись, —
Сказал спокойно Кягуа Сымсыму.

Тот устремися взглядом вдаль:
Огонь бушует в Калдахварах;
По улицам гарцуют на конях
Приспешники коварного Мазлоу.

Сымсым моложе Напхи был на год:
Не смел он прерывать его трапезы.
Вернулся он, боль сердца затаил,
И, опустив глаза, сказал чуть слышно:

— Там дети, балуясь, зажгли траву.
Спокоен будь и кушай на здоровье.
А дым, сгущаясь, к небу шел столбом,
И горный воздух был отравлен гарью.

— Ты не туда смотрел, откуда дым, —
Заметил Напха, — погляди-ка зорче.
Сымсым Уча взглянул вторично вдаль
И увидал, как Ханыку пленили.

— Спокоен будь... — промолвил он, дрожа.
— Последуй сам ты этому совету.
Присядь ко мне и подкрепись едой.
Но разве до еды теперь Сымсыму?

— Крепись, Сымсым, покоя не теряй, —
Сказал ему с укором Напха.
— Смятенье перед боем — друг врага,
— Всегда приводит к пораженью.

XIV

Не знал препятствий Напха на пути,
Как ловкий тур, к ущелью пробирался.
С трудом Сымсым за братом поспевал,
А ведь в горах он был ходок отменный.

Ватаге княжеской путь Напха преградил,
Он со скалы увидел Хаамыта,
И повторило эхо властный крик:
— Мазлоу, стой!
Князь натянул поводья.

— Ты обманул меня, — сказал герой, —
Поступок твой не украшает горца.
Я сорок дней напрасно ждал тебя
И я просил сылагае[10]) не трогать.

Я с пастбищ баранту согнал в село
И долго продержал на скудном корме.
Но слова своего ты не сдержал.
И я тобой, Мазлоу, недоволен.

Ты обманул меня, поступок твой
Не говорит о храбрости и чести.
Сылагае ты должен мне вернуть
А вместе с ней вернуть и всех пленённых.

— Улагау [11]) я не верну тебе, —
Ответил князь, — забыть о ней ты должен.
А остальных я отпущу в село.
Пусть вспоминают обо мне с улыбкой.

— Тогда сразимся мы. Стреляй в меня! —
И грудь под выстрел Кягуа подставил.
Целился долго князь, нажал курок.
Но пуля миновала Напху.

— Возьми, князь, в руку палку, — он сказал, —
Взгляни внимательно. Сучок ты видишь?
Взглянул Мазлоу. Выстрел прогремел.
Сучок снесен, а палка не задета.
— Отдашь мою старуху?
— Не отдам!

— Тогда воткни ты шило в палку эту,
Накрой своей папахой и гляди. —
Князь выполнил. Стрелок сбил шило с палки.
— Отдашь мою старуху?
— Не отдам!

— Тогда взгляни на свой пупок, Мазлоу.
Князь голову склонил и в тот же миг
Его на смерть сразила пуля Напхи.

XV

Костей в ущелье больше, чем камней,
Предсмертный стон сроднился с шумом Бзыби.
Здесь много всадников, с коней упав,
Горячей кровью напоило землю.

Засада неизбежна здесь тому,
Кто с осторожностью в бою не ладит.
Здесь сила малая большую гнет,
Один храбрец закроет выход сотне.

Гремел в ущелье бой, как гром в грозу,
Удваивало эхо каждый выстрел.
Приспешников Мазлоу с лошадей
Срывали пули Напхи и Сымсыма.

Но одному жизнь Напха подарил,
Сказав ему: — Иди своей дорогой.
Когда придешь в аул, расскажешь там
О смерти вероломного Мазлоу.

— Благодарю, — ответил Напхе он,
Брат младший Хаамыта, по преданью, —
Мой скорбный путь опасен и далек.
Как без ружья дойду я до аула?

— Вот, — Напха указал, — лежит ружье.
К чему оно останкам Хаамыта?
Князь отстрелял свой незавидный век.
Возьми ружье, коня взнуздай любого.

— Будь вечно славен, благодетель мой! —
Сказал, подняв ружье, Мазлоу младший, —
Я заряжу его, отправлюсь в путь...
О подвигах твоих узнают все аулы.

Я не могу преподнести сейчас
Тебе большого дара, победитель.
Прими же в знак расплаты от меня
Вот этот маленький подарок.

Ударил выстрел. Кягуа упал...
Он рану на груди зажал рукою.
Брат Хаамыта на коня вскочил.
Мгновение... и он исчез из виду.

Сымсым за ним в погоню устремился,
Но Кягуа просил его вернуть.
Вернулся и склонился он над Напхой.
Предсмертный шопот слышится ему:

— Теперь, Сымсым, его ты не преследуй.
Я подарил ему в сраженьи жизнь,
А то, что я дарю — не отнимаю.
Таков, известный всем, обычай мой.

Подходит смерть. Оплакивать не надо...
Возьми мое ружье, кинжал, коня...
Смотри вперед. Стань на защиту слабых,
И Ханыку, как честь, оберегай.

Хоть жить хочу, но смертью я доволен.
Ведь я умру, победу одержав,
А это лучше, чем упасть в обрыв,
Или расстаться с жизнью побежденным.

ОБЪЯСНЕНИЕ НЕПОНЯТНЫХ СЛОВ

1) Пацха — абхазское жилище.

2) Апхерца — абхазский двухструнный смычковый инструмент.

3) Ачарпан — абхазский музыкальный инструмент, род свирели.

4) О-а-ра-уй, а-а... — так абхазцы окликают друг друга в горах.

5) Чинча — по-абхазски — птичка.

6) Толумбаш — то же, что и тамада—руководитель стола во время пира.

7) Шхацкы шимш абзиахааит — приблизительно: в случае, если вам будет грозить опасность, я буду рад вместо вас отдать свою голову, пусть день ваш будет радостен (обычное приветствие абхазцев при расставании).

8) Быгомгазе — черкесское кушанье: баран, сваренный целиком в котле, исключительно для почетного гостя.

9) Четлибж — черкесское кушанье: курица с приправой из лука, перца и масла.

10) Сылагае — моя мукомолка. Так, или „моя старуха“ называли в старину абхазцы своих жен.

11) Улагае — твоя мукомолка.

Редактор Ш. Цвижба.

Техредактор М. С. Пищик.
Корректор В. К. Соколов.

ЭИ 02184. Подписано к печати 24/IX-1954 г. Бумага 60 x 84.
Печатных форм 2,25. Авторских 0,5. Учетно-изд. 2,5.
Заказ № 4942. Тираж 3000.

Типолитография им. Ленина, Грузглавиздата, г. Сухуми.

Цена 1 р. 10 к.